

ПАЦИЕНТ

X

ПРОЕКТ АРКАДИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

EDEN KATINE

Eden Kaine

Пациент X: Проект Аркадия

«Автор»

2026

Kaine E.

Пациент X: Проект Аркадия / E. Kaine — «Автор», 2026

Вторая часть дилогии "Пациент X" погружает читателей в мрачную атмосферу Проекта Аркадии и раскрывает историю героев и их судеб. Она рассказывает о монстрах, которые скрываются за масками человеческого лица.

© Kaine E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение	5
Пролог	7
Энни	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Eden Kaine

Пациент X: Проект Аркадия

Предупреждение

Дорогой читатель!

Прежде чем вы погрузитесь в мир «Проекта Аркадия. Грань безумия», я считаю своим долгом предупредить вас: эта книга не для слабонервных.

Это история о любви, которая граничит с одержимостью. О травме, которая не заживает, а разрастается, как раковая опухоль, захватывая всё новые территории сознания. О безумии, которое не всегда можно отличить от реальности. И о границах, которые стираются, когда боль и страсть становятся неотличимы друг от друга.

В тексте присутствуют:

- **Сцены физического и психологического насилия**, включая жестокие убийства и сцены пыток;
- **Откровенные эротические сцены**, многие из которых носят характер жесткого доминирования и граничат с насилием;
- **Подробные описания медицинских экспериментов над людьми**, включая детей, вдохновленные реальными историческими событиями;
- **Темы сексуального насилия, похищения и лишения свободы**;
- **Психотические расстройства, бредовые состояния и потеря связи с реальностью**;
- **Травматические воспоминания и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)**;
- **Беременность в условиях психологического насилия**;
- **Сцены суицидальных мыслей и попыток членовредительства**.

Эта книга НЕ является:

- Романтизацией абьюзивных отношений;
- Попыткой оправдать насилие;
- Медицинским или психологическим пособием.

Напротив, я стремилась показать, как травма и боль искажают восприятие любви, превращая её в разрушительную силу. Через историю Виктора и Анны я исследую границы человеческой психики — ту тонкую грань, где заканчивается здоровое чувство и начинается одержимость.

Многие сцены в этой книге созданы так, чтобы вы чувствовали себя неудобно. Это сознательное решение. Иногда, чтобы увидеть свет, нужно пройти через тьму.

Я не рекомендую эту книгу:

- Лицам младше 18 лет;
- Людям, пережившим травматический опыт, связанный с насилием или похищением;
- Тем, кто страдает от тяжелых психических расстройств без поддержки специалистов;
- Читателям, ищущим лёгкое романтическое чтение.

Если вы чувствуете, что какие-то из этих тем могут быть для вас триггерными, пожалуйста, отложите эту книгу или читайте с осторожностью, делая перерывы. Ваше ментальное здоровье важнее любого текста.

Отдельное примечание

Некоторые сюжетные линии и персонажи основаны на реальных исторических событиях — в частности, на послевоенной операции «Скрепка» (Operation Paperclip), в рамках которой

нацистские ученые были переправлены в США. Однако «Проект Аркадия» и все связанные с ним эксперименты являются художественным вымыслом. Тем не менее, зло, которое совершают люди во имя науки, — к сожалению, не выдумка. Эта книга — в том числе и размышление о том, как легко человек может оправдать чудовищные поступки высокими целями.

Пролог

«Мой разум — гость в разрушенном доме,
Где правит сон, тревожный и бесплотный;
И я бреду неведомо к чему,
Влекомый волей тайной и безотчётной.
Быть может, страсть — лишь форма пустоты,
Что жаждет плоть наполнить отраженьем;
Но отчего тогда твои черты
Мне кажутся последним откровеньем?
И я живу на грани двух начал:
Меж знаньем, что всё тленно и случайно,
И верой в то, что я тебя встречал
Ещё до звёзд, ещё до мирозданья.»

Виктор Хилл.

Энни

Раньше я мало думала о любви...

Дофамин, окситоцин, серотонин, набор нейромедиаторов, который эволюция придумала, чтобы мы не сожрали собственных детей и хотя бы иногда размножились. Я раскладывала чувства на молекулы, препарировала их скальпелем рациональности и прятала в формальдегид профессионального цинизма. Любовь — это иллюзия, конструкт, удобная сказка, которой люди оправдывают свою глупость.

Я ошибалась. Любовь не химия. Любовь — пытка. Сейчас я лежу на жёсткой койке в комнате без окон, с мягкими стенами, как когда-то было у него... Смирительная рубашка давно снята — теперь мои руки свободны, но от этого не легче. Капельница в локтевом сгибе тонкой змейкой вползает в вену, и каждый час я слышу, как капает что-то, что должно сохранить жизнь внутри меня. Жизнь, которую я не планировала. Которую не хотела. Которую за меня спланировали еще задолго до того, как я научилась ходить.

Вся моя жизнь — ложь. И даже моя любовь к нему. Красивая, безумная, уничтожающая любовь к Виктору оказалась не моим выбором. Не любовью. А экспериментом. Запрограммированным сродством двух образцов одного биологического проекта. Он не выбирал меня. Я не выбирала его. Нас просто поставили в один резонанс, как два камертона, и ждали, когда мы завибрируем в унисон. Потому что они знали, что нас сможет заинтересовать та не естественная больная психика, которую в нас заложили. Мы словно пазлы одной картины, и никто более не подходит нам, как мы сами.

Теперь я здесь. Уже кажется почти две недели. Врачи приходят ко мне каждый день. Они берут кровь из вены, из пальца. Делают УЗИ — холодным гелем мажут живот, водят датчиком, перешёптываются. Я знаю, что внутри меня растёт не просто ребёнок. Растёт монстр их будущих злодеяний. Потому что от союза двух искусственных тварей может родиться только третья. Я должна была бы плакать, но мои глаза сухие. Стерильность сознания — вот что они во мне вырастили. Я чувствую только глухую, пульсирующую ненависть. К ним. К себе. К жизни, которая ещё даже не начала биться сердцем, а уже пугает меня до оцепенения. Я не выбирала становиться матерью, и я не знаю, что я буду испытывать к тому существу, что появится на свет. Буду ли я любить его? Будет ли он способен любить? Кем он станет? И что с ним сделают нацистские твари? Этими вопросами я задаюсь каждый день, и каждый день, я тщетно ищу на них ответы.

Я думаю о Викторе каждую свободную минуту. Где он сейчас? Я не знаю, жив ли он. Не знаю, думает ли он обо мне. Узнает ли когда-нибудь, что я ношу под сердцем его... ребёнка. Наследника двух линий безумия, выведенных в пробирке и закалённых болью.

Родители ни разу не пришли ко мне. Я не удивлена. Я даже не злюсь. Я просто знаю — они наблюдают. Смотрят через камеры, которых здесь, в отличие от палаты Виктора, наверняка полно. Им не нужно ко мне приходиться. Я их не жду. Им никогда не нужна была дочь, они никогда не любили меня по-настоящему. Я всегда была для них лишь инкубатором. И им всегда нужна была лишь моя способность выносить и родить то, ради чего они всё это затеяли.

Я иногда думаю об Эрике. Знает ли она? Ищет ли меня? Что с Маркусом и Вивиан — их убрали, как и всех, кто подошёл слишком близко к этим экспериментам? Или они сами в бегах?

Знаете, раньше я думала, что самое страшное — это осознать своё безумие. Теперь я знаю: страшнее, когда понимаешь, что весь мир, намного безумнее, чем ты можешь себе представить...

Глава 1

Лос-Гатос, Калифорния. 2006 год

Лабораторный комплекс на окраине Лос-Гатоса не имел официального названия. Для посвящённых он существовал как объект «Аркадия-Запад». Для всех остальных — как заброшенное складское помещение, обнесённое тройным рядом колючей проволоки и охраняемое частной компанией.

Алекс Миллер припарковал свой чёрный «Линкольн» у служебного входа. Выключил двигатель и повернулся к дочери. Энни сидела на заднем сиденье, пристёгнутая детским креслом, и смотрела в окно. Её бледно-голубые глаза, большие и кукольные, не отражали ни любопытства, ни страха, ни скуки, как это обычно бывает у детей ее возраста. Только тихое, вселенское спокойствие.

Энни было пять лет. Но она вела себя так, будто за свой столь юный возраст, она успела познать всю суть человеческого существования. Она не вертелась, не задавала вопросов, только сидела, сложив руки на коленях, и ждала.

— Энни, — отец открыл дверь, помог ей выбраться из машины. — Сейчас мы зайдём к одному хорошему дяде доктору. Он посмотрит тебя, задаст несколько вопросов, может быть, возьмёт немного крови. Ничего страшного. А потом поедет домой, к маме. Я куплю тебе что-нибудь по дороге. Что хочешь?

Анна подняла на него равнодушный взгляд.

— Чупа-чупс, — нелепо произнесла она.

— Чупа-чупс, — повторил Алекс с натянутой улыбкой. — Договорились. За твою храбрость.

Она кивнула и взяла его за руку, цокая маленькими белыми сандалиями по серому бетону. Охрана на входе — двое мужчин в чёрных костюмах, без опознавательных знаков — кивнули Миллеру. Один из них приложил электронную карту к считывателю. Стеклопакеты двери разъехались в стороны.

— Доброе утро, доктор Миллер, — сказал второй.

— Доброе, — Миллер прошёл внутрь, ведя Анну за собой.

Она смотрела по сторонам с тем же отсутствующим выражением. Белые коридоры. Лампы дневного света, запах дезинфекции, такой густой, что, казалось, его можно было резать ножом. Энни поправила рукой светлую косичку, застрявшую под ее синим воротничком. Они дошли до лифта. Миллер нажал кнопку «-2» и вставил в специальную прорезь на панели красную пластиковую карту. Лифт мягко ухнул вниз. Двери открылись в длинный коридор, освещённый холодным неоном. По обе стороны — стеклянные стены лабораторных боксов, за которыми мерцали мониторы и двигались фигуры в белых халатах. Доктор Хилл ждал их в конце коридора, у дверей с табличкой «BSL-3. Только для авторизованного персонала».

Майкл Хилл, высокий, поджарый мужчина 35 лет с зачёсанными назад тёмно-русыми волосами. Он носил идеально выглаженный белый халат и почти всегда держал руки в карманах.

— Алекс, — Хилл улыбнулся. — Рад тебя видеть.

— Майкл, — Миллер пожал протянутую руку.

Хилл опустил взгляд на девочку. Та смотрела на него без страха и без интереса.

— Какая красавица, — сказал он, и в его голосе послышалось то, что у нормальных людей называлось бы теплотой. — Вылитая мама. Вирджиния в молодости — то же лицо, те же глаза.

Анна моргнула.

— Здравствуйте, — сказала она вежливо.

— Здравствуй, малышка, — Хилл присел перед ней на корточки, заглядывая в лицо. — Ты не боишься?

— Чего? — спросила она.

— Уколов.

Она подумала секунду.

— Нет.

— Хорошая девочка, — Хилл выпрямился, кивнул Миллеру. — Проходите.

Осмотр занял около часа. Анну усадили в кресло, которое трансформировалось в кушетку. Сначала они взяли кровь — из локтевой вены. Игла входила в её бледную кожу, и девочка смотрела на это с отстранённым любопытством, как будто наблюдала за опытом на ком-то другом. Потом — электроэнцефалограмма. Медсестра в стерильных перчатках натянула на её голову шапочку с электродами. Анна сидела неподвижно, пока на мониторе бежали разноцветные линии мозговой активности. Хилл и Миллер стояли у экрана, переглядываясь.

— Посмотри на бета-ритм, — тихо сказал Хилл. — Почти полное отсутствие фоновой тревожной активности. Миндалевидное тело подавлено. Это не просто иммунитет к вирусу — это идеальная стерильность эмоционального центра.

— Она всегда была такой, — Миллер сложил руки на груди. — Почти не плакала даже младенчестве.

— Это результат, — Хилл почти благоговейно коснулся экрана пальцем. — Вирус, переданный внутриутробно, не убил её. Он создал её. Анна — наша маленькая эволюция.

Хилл подошёл к девочке, взял её за подбородок, поворачивая голову из стороны в сторону. Проверил реакцию зрачков на свет — фонариком, три раза. Анна не шурилась. Её зрачки сужались и расширялись с механической точностью, без малейшего дискомфорта.

— А теперь, — Хилл убрал фонарик, — сделаем МРТ. Ты когда-нибудь лежала в большой стиральной машине, Анна?

— Нет, — ответила она.

— Не бойся. Громко, но не страшно. Представь, будто бы ты путешественник между мирами и летишь в космос на своей собственной ракете, — Хилл подмигнул девочке.

— Я и не боюсь, — сказала она. И это была чистая правда.

Магнитный резонанс длился сорок минут. Анна лежала неподвижно, как кукла, уставившись в бледно-голубое небо, нарисованное на внутренней стороне томографа. Когда её выкатили, Миллер погладил её по голове.

— Умница, Энни.

— Можно чупа-чупс? — спросила она.

— После.

Анна повернула голову. Они были в большой комнате с высоким потолком, заставленной аппаратурой. Справа — ряд мониторов, слева — стерильный стол с инструментами. И где-то там, за углом, где стена переходила в бокс с тонированным стеклом, она заметила движение. Тень. Маленькая фигура в серой футболке. Мальчик. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и смотрел на неё. Ему было, наверное, шесть или семь — чуть старше Анны. Светлые волосы, бледное лицо и неестественно яркие, пронзительно-синие глаза, которые светились даже в тусклом свете лаборатории.

Анна замерла. От интереса — того редкого, почти невозможного для нее чувства, которое иногда ещё просыпалось в её стерильном сознании. Она медленно подняла руку и помахала ему. Мальчик дёрнулся и спрятался за стену.

— Папа, — Анна дёрнула отца за рукав. — Там мальчик. Кто это?

Миллер напрягся и переглянулся с Хиллом.

— Ах, — Хилл прищурился, проследив за взглядом девочки. — Это Виктор. Ты хочешь с ним подружиться, Анна?

Она пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она. — Он прячется. Он что боится меня?

— Он просто стеснительный, — Хилл улыбнулся, подошёл к углу и позвал: — Виктор, иди сюда.

Мальчик не вышел.

— Виктор, — голос Хилла стал жёстче. — Я сказал, иди сюда.

Из-за угла показалась худая фигура. Мальчик ступал осторожно, словно каждое движение могло стать ошибкой. Он остановился в трёх метрах от Анны. Смотрел на неё волчьим взглядом — пустым и недоверчивым.

— Это Анна, — представил Хилл. — Она пришла в гости. Поздоровайся. Будь вежливым.

Виктор молчал. Анна посмотрела на него снизу вверх, чуть склонив голову набок.

— Привет, — сказала она.

Он не ответил. Анна полезла в карман своего розового кардигана. Нашупала леденец, который папа давал ей в прошлый раз. Карамелька в ярко-красной обёртке смотрелась в стерильной лаборатории почти неприлично ярко.

— Держи, — она протянула леденец мальчику.

Виктор посмотрел на неё, а потом перевёл взгляд на отца. Хилл кивнул. Мальчик медленно, будто ожидая подвоха, взял леденец и сжал в кулаке.

— У тебя красивые глаза, — сказала Анна. — Как океан. Ты когда-нибудь плавал с рыбами в океане? Мы с мамой ездили в прошлом году на пляж, там я видела желтую рыбу с красными полосками.

Виктор не ответил. Он посмотрел на неё странным почти болезненным взглядом. Алекс Миллер и Майкл Хилл отошли к мониторам. Хилл развернул к себе коллегу, понизив голос до шёпота.

— Ты видел её показатели? Это совершенство, Алекс.

— Я знаю, — Миллер не сводил глаз с дочери.

— Она сможет принимать решения, которые другим кажутся чудовищными. Холодная голова — это наше всё.

— А он? — Миллер кивнул в сторону Виктора, который всё ещё стоял с леденцом в руке, глядя на Анну с нечитаемым выражением. — Его показатели?

— У него другая ветка. Искусственное подавление болевых центров, высокая регенерация, обострённые сенсоры.

— Они встретились раньше срока, — Миллер нахмурился. — Это не по плану.

Хилл усмехнулся.

— План корректируется. Ты же знаешь главное правило проекта «Аркадия»: результат важнее графика.

— А если она запомнит его?

Хилл посмотрел на Анну. Девочка стояла напротив Виктора и улыбалась — впервые за весь день.

— Не запомнит, — сказал Хилл спокойно. — Я сотру ей память после того, как мы закончим сбор данных. Пара сеансов транскраниальной магнитной стимуляции, и она не вспомнит ни этой комнаты, ни меня, ни Виктора. Её мозг пластичен, как воск. Мы можем лепить из него всё, что захотим.

— Этически... — начал Миллер.

— Этически, — перебил Хилл, — мы создаём новую расу. Этику придумали слабаки, чтобы оправдать свою беспомощность. Ты так не думаешь, Алекс?

Миллер молчал несколько секунд. Потом посмотрел на Анну, которая стояла в двух шагах от мальчика, чьё существование было государственной тайной.

— Ты прав, — сказал Миллер. — Делай что нужно.

Он подошёл к детям.

— Энни, нам пора.

Анна обернулась.

— А он поедет с нами?

— Нет, дорогая. Он остаётся здесь. Попрощайся.

Анна посмотрела на Виктора. Тот сжимал леденец так сильно, что красная обёртка начала трещать.

— Пока, — сказала она.

Виктор ничего не ответил. Но когда она уже взяла отца за руку и пошла к выходу, он вдруг разжал пальцы и посмотрел на леденец. Потом — ей вслед. В его синих глазах на мгновение зажглась искра и он прошептал: «Пока Энни...»

Анна не обернулась. Она не знала, что даже не запомнит этот момент своей жизни, потому что её память сотрут через несколько сеансов. И она не узнает, что этот мальчик будет ждать её пятнадцать лет. Пятнадцать лет в бетонной клетке, с единственной мыслью о девочке, которая подарила ему леденец и сказала, что у него красивые глаза, тем самым подарив надежду на то, что не все люди в этом мире настолько же гадкие как его собственный отец. Но это будет потом. А пока дверь лаборатории закрылась за ними с тихим шипением пневматики. И где-то на нижнем уровне, в комнате без окон, семилетний мальчик развернул наконец карамельку и положил её в рот. Клубничный вкус оказался единственным сладким воспоминанием, которое у него появилось за долгое время.

Глава 2

Вашингтон, округ Колумбия. Здание Министерства юстиции имени Роберта Ф. Кеннеди. Наши дни.

Серый гранит фасада на Пенсильвания-авеню, казался высеченным из самой субстанции государственной власти — тяжеловесной, непроницаемой, привыкшей к тому, что её приказы не обсуждают. Строение, возведённое ещё в тридцатые годы прошлого века, дышало историей, которая давила на плечи каждого, кто переступал его порог. Внутри, за стенами, помнящими холод войны и шепотки Уотергейта, царила своя, особая атмосфера — сдержанная, почти пуританская, где даже воздух, казалось, был пропитан запахом старой бумаги, полироли и невысказанных угроз.

Вивиан Рейнольдс шла по коридору седьмого этажа. Каблуки её неброских, но дорогих туфель глухо стучали по мраморному полу, заглушаемые толстым ковром, который, впрочем, не мог скрыть эхо её шагов в этой гулкой тишине. Она знала это здание вдоль и поперёк — каждый закоулок, каждую дверь, каждую табличку с названием отдела. За плечами у неё было больше пятнадцати лет работы в Управлении по уголовным делам — ведущем прокурорском органе в сфере исполнения федерального уголовного законодательства. Она видела досье на военных преступников, которые десятилетиями скрывались под чужими именами, на торговцев оружием, на серийных убийц. Но то, что лежало сейчас в кожаном портфеле, который она прижимала к груди, было иным. Это было не просто дело. Это был клубок лжи, тянущийся из самого сердца нацистской Германии, через операцию «Скрепка», через десятки лет молчания и соучастия — прямо в настоящее.

Сегодня её путь лежал в кабинет, где стены были обиты тёмным деревом, а на столе неизменно стоял портрет президента в тяжелой рамке. Помощник заместителя генерального прокурора по Уголовному департаменту Эндрю Коллинс — солидный мужчина с густыми седыми бровями и цепким, оценивающим взглядом — ждал её. На столе, помимо официальных бумаг, лежала раскрытая папка с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». Вивиан узнала её. Это было досье на Виктора Хилла.

— Садитесь, Рейнольдс, — сказал он. — Я прочитал ваш рапорт.

Она села на стул напротив, положив портфель на колени. В кабинете было тихо — только тикали старые напольные часы в углу да где-то далеко, за толстыми стенами, гудел кондиционер.

— Вы предлагаете привлечь к сотрудничеству субъекта, который находится под нашей «опекой», — начал он, и в его голосе, ровном и спокойном, явственно слышался металл. — Субъекта, который абсолютно не стабилен и его невозможно держать под контролем.

— Я помню это, сэр, — ответила Вивиан, выдерживая его взгляд.

— Тогда вы должны понимать, о чём я говорю. — Он перелистнул несколько страниц в папке, пробежался глазами по строкам. — Он опасен. Очень опасен. И вы хотите выпустить его из-под контроля? Дать ему возможность... сотрудничать с нами?

Вивиан глубоко вздохнула. Она готовилась к этому разговору несколько дней, перебирая в голове аргументы, взвешивая каждое слово.

— Я хочу дать ему возможность помочь нам закрыть то, что мы не могли закрыть десятилетиями, сэр. — Она открыла портфель, достала тонкую папку с грифом «Аркадия» и положила её на стол поверх его документов. — Мы знаем, что проект «Аркадия» существует. Мы знаем, что он является прямым продолжением экспериментов, которые нацистские врачи ставили в концлагерях. Курт Бломе, Вернер фон Браун, Артур Рудольф — все они были переправлены в США по программе «Скрепка». И все они продолжали свою работу. Не только в ракетостроении. Но и в том, что касается человеческого сознания.

Помощник заместителя нахмурился, но не перебил.

— Мы знаем, что Кейт один из них, — продолжила Вивиан. — Что его отец лично участвовал в организации переправки нацистских учёных после войны. Что клиника, которую он возглавлял, была прикрытием для лабораторий, где ставили эксперименты над людьми. Над детьми. — Её голос дрогнул. — Мы знаем всё это. Но у нас нет доказательств. У нас нет структуры. А Виктор... Виктор был там. Он вырос в этом аду. И его «сверхспособности» не могут не подкупать. Согласитесь, он мог бы отправиться на многие операции, на которые не смогли бы пойти наши солдаты из-за опасности.

— Он — убийца, Рейнольдс, — жёстко сказал начальник. — Вы сможете его контролировать? Хоть кто-нибудь сможет? Я так не думаю... — он покачал головой.

— Он горит своей целью, — возразила Вивиан. — Он хочет спасти Анну Миллер. И пока он будет думать, что мы помогаем ему в этом, он будет подчиняться и будет помогать нам.

Помощник заместителя долго молчал, глядя на неё немигающим взглядом. Тишина в кабинете стала почти осязаемой. Он медленно провёл пальцем по корешку папки «Аркадия».

— Я не могу обещать ему свободы, Рейнольдс, — наконец сказал он, и в его голосе звучала сталь. — Надеюсь, вы это понимаете. Даже если он поможет нам и будет подчиняться, как вы говорите, он все равно должен будет быть заключен под стражу. — Он поднял на неё глаза. — Он опасен для общества. И он не похож на того, кто станет нам помогать по доброй воле. Он будет играть в свои игры. Вы готовы к этому?

— Я готова, — ответила Вивиан, и в её голосе не было ни капли сомнения.

— Вы ручаетесь за него?

— Я ручаюсь за то, что он может спасти сотни жизней. Возможно, тысячи. Пусть даже и не осознанно. — Она подалась вперёд. — Я не оправдываю его. Но я говорю, что он наша лучшая карта. Единственная, которая у нас есть. И если мы её не разыграем... мы будем искать вслепую ещё десятилетия.

Начальник откинулся на спинку массивного кресла, и оно жалобно скрипнуло под его весом. В кабинете повисла тишина. Эндрю Коллинс смотрел на неё изучающим взглядом. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, Рейнольдс, — сказал он. — Я дам вам зелёный свет. Но запомните: за него отвечаете вы. Лично. Если он сорвётся — если хотя бы один невинный человек пострадает из-за вашего решения, — вы отправитесь вслед за ним. В клетку. Это понятно?

— Абсолютно, сэр.

— Свободны.

Вивиан поднялась, чувствуя, как внутри неё разливается странное, почти болезненное облегчение. Она взяла портфель, кивнула начальнику и вышла из кабинета. Тяжёлая дверь за ней закрылась с глухим, окончательным щелчком. В коридоре она остановилась на мгновение, прижавшись спиной к прохладной стене, и закрыла глаза. В груди колотилось сердце — быстро, неровно, как у человека, который только что прыгнул с обрыва и не знает, есть ли вода внизу.

Она выиграла этот раунд. Но впереди была долгая дорога. И Виктор Хилл, которого она только что с таким трудом вытащила из тени смертного приговора, был лишь началом.

Глава 3

Виктор

Я уже начинаю понимать одну вещь о людях: они обожают переименовывать клетки. Если назвать тюрьму «центром временной защиты», бетон не перестанет быть бетоном. Если повесить на дверь табличку Министерства юстиции и заставить охрану ходить в выглаженной форме, страх внутри здания не станет менее вонючим. Здесь всё пропитано страхом — стены, коридоры, лифты, воздух в вентиляции. Я чувствую его даже ночью, когда весь этаж затихает и только лампы аварийного освещения продолжают гореть мертвенно-жёлтым светом под потолком.

Этот комплекс находится где-то среди лесов северной Калифорнии. Снаружи место выглядит как правительственный исследовательский центр: серое прямоугольное здание без вывесок, парковка, камеры через каждые несколько метров, двойной забор с датчиками движения. Такие здания люди обычно не замечают, когда проезжают мимо. В этом и смысл. Самые страшные места всегда выглядят скучно.

Внутри ещё хуже. Здесь нет ничего личного. Комнаты похожи на гостиницу, которую проектировал человек, ненавидящий всё человеческое. Серые стены, серое постельное бельё, серый кафель в ванной. Даже еда здесь на вкус серая. Иногда мне кажется, что, если остаться в этом месте достаточно долго, то кожа тоже станет серой, как у трупа, пролежавшего несколько дней в морге. Наверное, обычный человек чувствовал бы себя здесь в безопасности. Я — нет. Безопасность — очень хрупкая иллюзия. Я вырос среди людей, которые могли вскрыть человеческий череп так же буднично, как другие открывают консервную банку. После такого сложно поверить в спасение за бронированной дверью и кодовым замком.

Маркус живёт этажом ниже вместе с семьёй. Иногда я слышу детей в столовой. Их сын всегда замолкает, когда я захожу внутрь. Мальчик смотрит на меня так, будто родители случайно поселили рядом с ними заражённое животное. Наверное, он не так уж и неправ. Дети вообще чувствуют вещи точнее взрослых. Взрослые слишком много врут себе, чтобы сохранить способность нормально жить. Сам Маркус после ранения начал выглядеть старше лет на десять. Пуля прошла навывлет, но дело не в ней. Некоторые события просто ломают внутри человека что-то такое, что потом уже невозможно срастить. Он старается держаться ради жены, ради детей, но я вижу, как у него дрожат руки, когда он думает, что никто не смотрит. Особенно по вечерам. Особенно после разговоров с Вивиан.

Вивиан вообще почти не спит. Она курит возле служебного выхода по ночам, листает папки с документами, разговаривает по телефону и всё время делает вид, будто контролирует ситуацию. Хотя ситуация давно уже никому не принадлежит. Иногда я думаю, что именно это и сводит её с ума сильнее всего. Люди вроде неё строят всю жизнь вокруг идеи контроля, а потом сталкиваются с чем-то, что невозможно удержать ни законом, ни оружием, ни приказами.

Когда я проснулся в доме Энни и понял, что её нет рядом, я не испытал паники в привычном человеческом смысле. Скорее возникло ощущение, будто у меня из грудной клетки вытащили что-то жизненно важное и оставили внутри пустую дыру. Очень похожее чувство я испытывал ребёнком после её ухода из лаборатории. Тогда я ещё несколько недель ходил по коридорам и ждал, что она снова появится из-за угла. Это смешно. Человек может пережить электрический ток, операции без анестезии, месяцы изоляции, бесконечные медицинские эксперименты, но потом оказывается полностью уничтожен одной маленькой девочкой, которая однажды сказала ему, что у него красивые глаза.

Иногда мне кажется, что именно в этом и заключается самая жестокая ошибка моих создателей. Они научили меня не чувствовать боль, но забыли, что существуют вещи намного хуже боли.

Я поехал искать её в тот офис в Сан-Хосе, над которым круглосуточно гудели старые лампы кондиционеров. Помню, меня тогда поразила одна совершенно идиотская мысль: люди обсуждают секретные государственные эксперименты по созданию искусственных психопатов в помещении с дешёвыми пластиковыми жалюзи и кофейными пятнами на столе. Всё великое зло в этом мире почему-то всегда происходит в невероятно уродливых интерьерах. Маркус попытался меня остановить почти сразу. Начал говорить что-то про ФБР, про расследование, про необходимость действовать рационально. Я даже не слушал его толком. Люди вроде него до последнего верят, что, если достаточно долго разговаривать с чудовищем спокойным голосом, чудовище тоже начнёт играть по их правилам.

Вивиан поняла главное почти мгновенно: мне абсолютно плевать на их систему. На суды, протоколы, расследования, свидетельские показания и всю эту цивилизованную конструкцию, которой люди так гордятся. Вся их цивилизация десятилетиями финансировала «Аркадию», перевозила нацистских учёных через океан, строила лаборатории, выращивала детей как биологический материал, а теперь внезапно решила поиграть в мораль.

Смешно. Единственное, чего я тогда хотел — найти Энни и исчезнуть вместе с ней. Уехать куда-нибудь, где никто нас не знает. В Мексику, например. Я плохо понимаю мир, но однажды видел фотографии маленьких приморских городов на юге — облупленные дома, океан, старые лодки, солнце, люди, которым плевать на твоё прошлое, пока ты платишь наличными и не создаёшь проблем. Иногда по ночам я представляю, как Энни сидит где-нибудь на террасе у воды в большом растянутом свитере. Наверное, это звучит жалко. Монстр, созданный как оружие, мечтает о самом обычном человеческом покое. Но именно такие вещи почему-то и оказываются для нас недостижимыми.

Дом Энни уже ждал меня пустым. Федералы сидели там, как охотники в засаде. Я плохо помню саму перестрелку. Такие моменты мозг воспринимает иначе — не как последовательность событий, а как вспышки света. Красные точки лазерных прицелов на стенах. Разбитое стекло. Крики. Чужая кровь на полу кухни. Маркус, согнувшийся возле машины с прострелянным боком. Вивиан, орущая на агентов так, будто ненависть в её голосе могла остановить пули. Она спасла меня тогда.

Сейчас между нами существует что-то вроде сделки. Они помогают мне искать Энни, а я помогаю им уничтожить «Аркадию». Потом меня, скорее всего, ждёт либо пожизненная психиатрическая клиника, либо федеральная тюрьма. Вивиан осторожно пытается убедить меня, что сможет добиться смягчения приговора. Иногда она говорит это таким тоном, будто сама хочет в это верить. Но дело в том, что меня никогда особенно не пугала клетка, ведь я родился в ней. Единственное, чего я действительно боюсь — это что они доберутся до Энни раньше меня и превратят её во что-то настолько сломанное, что даже я уже не смогу вернуть её обратно.

Я сидел за столом в общей гостиной уже несколько часов и перебирал бумаги, которые принесла Вивиан. Карты северной Калифорнии, старые маршруты поставок «Аркадии», схемы заброшенных медицинских объектов, спутниковые снимки. Вивиан была уверена, что Кейт не стал бы держать Энни в крупном федеральном городе. Скорее всего — старый объект за пределами крупных трасс, возможно, бывшая исследовательская база или закрытая клиника. Что-то достаточно удалённое, чтобы продолжать эксперименты. Я проводил пальцем по отмеченным точкам на карте и пытался думать логически, но каждый раз мысли всё равно возвращались к Энни. К тому, как она выглядела в последний раз. К её голосу. К тому, как дрожали её пальцы, когда она пыталась делать вид, будто совсем меня не боится. Иногда меня пугало собственное сознание. Не потому, что внутри было слишком много жестокости. К жестокости я привык. Пугало другое — насколько быстро все остальные мысли исчезали рядом с ней. Мир сужался до одной-единственной цели с почти животной простотой: найти, забрать и сбежать с ней.

Вдруг я услышал легкие шаги. Потом рядом со столом появилась Эмили. Она стояла молча несколько секунд, разглядывая меня с той детской бесцеремонностью, на которую взрослые уже не способны. В ней вообще не было страха. Только любопытство. Светлые волосы были заплетены в неаккуратную косу, на пижаме — какие-то дурацкие жёлтые звёзды. В руках она держала плюшевого кролика без одного глаза. В отличие от своего брата Ричарда она была смелой девочкой.

— Почему у тебя такие глаза? — вдруг спросила она.

Я медленно поднял голову.

— Какие?

— Синие. Очень синие. У обычных людей таких не бывает.

Я хмыкнул.

— Ты уверена?

Она серьёзно кивнула и подошла ближе, опираясь ладонями на край стола.

— Ричард говорит, что ты носишь линзы.

— Ричард по-твоему много знает обо мне?

Эмили внимательно смотрела на меня ещё несколько секунд, будто пыталась разгадать какую-то сложную загадку.

— Так это линзы?

Я сам не заметил, как уголок рта дёрнулся вверх.

— Нет, — тихо сказал я, чуть наклонившись к ней. — На самом деле я волшебник.

Её глаза моментально расширились. Господи. Дети действительно готовы поверить во что угодно.

— Правда?!

Я пожал плечами.

— В каком-то смысле.

Она восторженно ахнула и быстро оглянулась по сторонам, будто боялась, что нас подслушают.

— А ты умеешь колдовать?

— Смотря что тебе нужно.

Эмили придвинулась ещё ближе и шёпотом сказала:

— Сделай так, чтобы у Ричарда вырос свиный хвост.

Несколько секунд я просто смотрел на неё, а потом неожиданно для самого себя засмеялся. Без злости и сарказма. Эмили тут же захихикала вместе со мной, явно довольная собственной гениальной идеей.

— Это очень сложное заклинание, — сказал я. — Тут нужен как минимум месяц подготовки.

— А ты сможешь?

— Возможно.

— А уши свиные тоже можно?

— Нет. Это уже высшая магия.

Она снова расхохоталась, закрывая рот ладонями. И именно в этот момент в гостиную вошёл Маркус. Он остановился в проходе и несколько секунд молча смотрел сначала на меня, потом на дочь. У него было то выражение лица, которое появляется у людей, когда они видят змею рядом с ребёнком.

— Эмили, — резко сказал он. — Иди к себе.

Она сразу нахмурилась.

— Но мы разговариваем.

— Сейчас же.

— Пап—

— Эмили.

Она недовольно вздохнула, прижала к груди своего кролика и всё-таки пошла к выходу. Уже у двери обернулась ко мне:

— Ты потом покажешь ещё магию?

— Если твой отец не сдаст меня инквизиции.

Она улыбнулась, но Маркус даже не посмотрел на неё. Когда девочка ушла, он медленно подошёл к столу.

— Не приближайся к моим детям, — тихо сказал он.

Я откинулся на спинку стула.

— Твои дети сами ко мне подходят.

— Мне плевать. То, что мы сейчас вынуждены работать вместе, не делает тебя нормальным человеком.

Что-то внутри меня сразу начало закипать. Я почувствовал это почти физически — как жар под кожей.

— Осторожнее, Маркус.

— Нет, это ты послушай меня внимательно, — его голос стал жёстче. — Я знаю, кто ты такой. И мне всё равно, насколько ты полезен Вивиан. Ты убийца. Психопат. И я не хочу, чтобы мои дети находились рядом с тобой хоть секунду дольше необходимого.

Злость всегда приходила ко мне слишком быстро, настолько быстро, что это было трудно контролировать. Будто внутри головы существовал выключатель, который невозможно удерживать.

— Тогда держи своих мелких выродков подальше от меня, — холодно сказал я.

Тишина после этих слов стала тяжёлой. Даже я понял, что сказал лишнее. Но было уже поздно. Лицо Маркуса исказилось так резко, будто я ударил его.

— Не смей, блядь, так говорить о моих детях.

Я резко встал. Стул с грохотом отъехал назад.

— А ты не смей указывать мне, что делать.

Мы стояли почти вплотную друг к другу. Я видел, как у него дёргается челюсть. Чувствовал запах адреналина, страха и ярости. Люди думают, что гнев ослепляет. Наоборот. В такие моменты я начинаю замечать всё слишком отчётливо. Шрам у него под подбородком, пульс на шее, напряжение в плечах. Достаточно одного движения. Одного.

В комнату быстро вошла Эрика.

— Господи, что происходит?!

Она сразу подошла к мужу и попыталась взять его за руку, но Маркус раздражённо дёрнулся.

— Не лезь, Эрика.

Я уже собирался уйти. Правда. Потому что чувствовал — ещё немного, и всё закончится плохо. Но потом Маркус бросил мне в спину:

— То, что ты творил с Анной, не называется любовью.

Я остановился.

— Что?

— Ты слышал меня. Насилие — не любовь. Ты ломал её психически так же, как и физически. Ты просто ещё один монстр, который решил назвать свою одержимость красивым словом.

Последнюю фразу я почти не помню. Помню только, как что-то внутри меня оборвалось, а потом я уже впечатал Маркуса в стену. Эрика закричала. Мы рухнули на пол, сшибая стол. Карты разлетелись по комнате белым дождём. Маркус ударил меня куда-то в челюсть, но это только сильнее разозлило меня. Я перехватил его руку, вжал колено ему в грудь и стиснул пальцы на его шее. Я чувствовал, как под моей ладонью бьётся его пульс, как хрип рвётся из

горла. Ещё немного — и шея сломалась бы. Хрустнула бы так же просто, как сухая ветка. И в какой-то момент я действительно захотел это сделать, но потом я услышал плач. Я поднял голову. Эмили стояла в дверях, прижимая к груди кролика. По её лицу текли слёзы. Она смотрела на меня так, будто только что увидела, как фокусник на детском празднике внезапно превратился в настоящее чудовище. И, наверное, именно это я и сделал. Мои пальцы разжались. Маркус закашлялся, хватая воздух ртом. Я медленно поднялся на ноги. В комнате стояла такая тишина, будто весь воздух выжгло изнутри. Эмили больше не смотрела мне в глаза. Только тогда я понял, что всё ещё тяжело дышу, как зверь. Я ничего не сказал, просто вышел из комнаты, оставив карты валяться на полу среди осколков стекла и детских слёз.

Глава 4

Лос-Гатос, Калифорния. 2006 год

В детстве Энни плохо ладила с другими детьми. Она не считала их плохими. Скорее — бессмысленными. В детском саду они постоянно кричали, плакали, дрались из-за игрушек, ябедничали воспитателям, а потом через пять минут снова дружили за руки, будто ничего не произошло. Эта хаотичная эмоциональность утомляла её уже тогда, хотя сама Энни ещё не умела объяснить это словами. Воспитательницы говорили её матери, что девочка «слишком закрытая». Другие родители — что «слишком странная». Дети просто чувствовали разницу инстинктивно и старались держаться от неё подальше. Анна редко плакала, редко смеялась, почти никогда не капризничала.

Единственным ребёнком, рядом с которым ей не хотелось притворяться нормальной, был Виктор. В лаборатории она чувствовала себя спокойнее, чем среди сверстников. В тот день Алекс Миллер снова привёз дочь на обследование. Анна уже знала привычный маршрут. Её снова водили на анализы, брали кровь, заставляли лежать неподвижно внутри шумного аппарата МРТ, а потом оставили ждать отца в исследовательском секторе.

Анна этому даже обрадовалась. Потому что там ее ждал Виктор. Он сидел на полу у стены, когда она вошла в комнату. Маленький, худой, в светлой больничной одежде, которая висела на нём почти как пижама. В лаборатории всегда было прохладно, но Виктор будто никогда этого не замечал. Он вообще мало замечал вещи, которые должны были причинять обычным людям дискомфорт.

Услышав шаги, он поднял голову и сразу же улыбнулся. Энни быстро закрыла за собой дверь и с важным видом подошла к нему, прижимая к себе маленький рюкзак.

— Я тебе кое-что принесла.

Виктор заинтересованно посмотрел на рюкзак. Анна тут же опустилась рядом с ним на пол и начала вытаскивать конфеты — шоколадные батончики, карамельки, мармелад в ярких упаковках, маленькие леденцы, которые стащила дома из кухонного шкафа, пока няня разговаривала по телефону.

Глаза Виктора расширились почти по-детски.

— Это всё тебе, — серьёзно сказала Анна.

Он осторожно взял одну карамельку, будто ему редко позволяли трогать что-то красивое.

— Ты украла их?

— Немножко.

— Это плохо.

— Я знаю.

Несколько секунд они молчали. Потом Виктор тихо сказал:

— Спасибо, Энни.

Анна внимательно наблюдала, как он разворачивает конфету. Его движения всегда казались ей странными — слишком аккуратными, слишком осторожными, словно он постоянно боялся сделать что-то неправильно. Он никогда не смеялся громко, никогда не кричал и почти всегда смотрел людям прямо в глаза так долго, что взрослым становилось не по себе. Но Анне рядом с ним было легко. Наверное, потому что он тоже был неправильным.

— Почему ты никогда не выходишь отсюда? — вдруг спросила она.

Виктор замер. Он опустил взгляд на конфету в руках.

— Отец не выпускает меня.

Анна нахмурилась.

— Совсем?

Он покачал головой. Она задумалась на несколько секунд, болтая ногами.

— Даже гулять нельзя?

— Нет.

— Это грустно.

— Наверное.

Виктор сказал это так спокойно, будто уже привык, что некоторые вещи в жизни просто недоступны ему по умолчанию. И именно это почему-то показалось Анне самым печальным. Она не до конца понимала, почему. В её собственном доме тоже не было особенно много тепла. Родители почти всегда работали. Мать относилась к ней скорее как к хрупкому дорогому предмету, который нельзя уронить, а отец — как к проекту, результаты которого необходимо контролировать. Но при всём этом Анна всё-таки могла выйти на улицу, ходить в детский сад, видеть солнце, чувствовать ветер. Виктор — нет.

— У меня на следующей неделе день рождения, — вдруг сказала Анна. — Мне исполнится шесть.

Виктор поднял на неё взгляд.

— Правда?

Она кивнула.

— Будет торт и клоуны, и куча шаров.

— Я бы хотел прийти, — тихо сказал Виктор.

И это прозвучало так искренне, что у Анны вдруг странно сжалось сердце.

— Тогда приходи.

Он слабо улыбнулся и покачал головой.

— Не получится.

— Почему?

— Отец не разрешит.

Анна нахмурилась сильнее. В её понимании существовало только одно объяснение, почему родители могут надолго запретить ребёнку выходить из дома.

— Ты наказан?

Виктор несколько секунд молчал, будто обдумывал ответ. Потом тяжело вздохнул.

— Видимо, да.

— За что?

Он пожал плечами.

— Не знаю.

Анна смотрела на него, пытаясь понять, как можно не знать, за что тебя наказали. Когда она делала что-то плохое, мать всегда объясняла причину. Иногда очень холодно и грубо, но объясняла.

— Твой папа злой? — осторожно спросила она.

Виктор не ответил сразу. За дверью коридора кто-то прошёл. Послышались приглушённые голоса врачей. Где-то в глубине лаборатории коротко запищал медицинский прибор. Мальчик медленно повернул в руках красный леденец, который принесла Анна. Потом очень тихо сказал:

— Иногда мне кажется, что отец смотрит на меня так, будто вовсе никогда меня не любил.

Энни осторожно подвинулась ближе к Виктору и вдруг взяла его за руку. Наверное, любой другой ребёнок на его месте просто улыбнулся бы. Но Виктор застыл так резко, словно никто никогда раньше не делал этого с ним добровольно. Его пальцы были ледяными. Анна нахмурилась.

— У тебя руки холодные.

— Здесь всегда холодно.

Она немного подумала, а потом серьёзно сказала:

— Когда я вырасту, я тебя отсюда заберу.

Виктор посмотрел на неё так внимательно, будто пытался понять, можно ли верить таким словам. Дети часто обещают невозможное, но Анна произнесла это без улыбки. Как факт и именно поэтому он ей поверил.

Вирджиния Миллер медленно сняла латексные перчатки, пока доктор Хилл изучал результаты анализов Анны под светом настольной лампы. В комнате стояла почти абсолютная тишина. Только гул вентиляции и едва слышное потрескивание старого монитора. Хилл выглядел довольным.

— Показатели стабильны, — наконец произнёс он, не отрывая взгляда от документов.

— Иммунный ответ?

— Лучше, чем мы прогнозировали.

Он поправил очки и перевернул страницу.

— Организм адаптировался быстрее остальных образцов.

Вирджиния подошла ближе к столу. На фотографиях МРТ серыми пятнами светился детский мозг Анны. Маленький и идеальный. Иногда Вирджиния сама не понимала, почему её до сих пор завораживает вид человеческого мозга. Наверное, потому что именно там рождается всё — страх, вера, любовь, жестокость, память, личность. Достаточно немного изменить химический баланс, электрические импульсы, нейронные связи — и человек превращается в совершенно другое существо. Большинство людей этого не осознают. Им нравится думать, будто душа — нечто отдельное от биологии. Смешно.

— Значит, пора переходить ко второму этапу? — спокойно спросила она.

Хилл поднял взгляд. Несколько секунд он молчал, словно мысленно просчитывал последствия, а потом медленно кивнул.

— Да. Думаю, дальнейшее пребывание Анны здесь уже нежелательно.

Где-то за стеклом исследовательского сектора сейчас сидела её дочь и разговаривала с Виктором. Она уже несколько раз замечала, как девочка ищет встречи с мальчиком. Любой другой родитель насторожился бы. Но Вирджиния смотрела на это иначе. Привязанность была частью процесса. Связи между субъектами формировались даже успешнее, чем ожидалось, но для этой связи было еще очень рано.

— Она слишком хорошо его запоминает, — произнёс Хилл, будто читая её мысли. — Для ребёнка её возраста эмоциональная фиксация развивается слишком быстро.

— Это опасно?

— Пока нет. Но если связь закрепится окончательно, в будущем мы можем получить неконтролируемые реакции.

Он говорил об этом тем же тоном, каким другие люди обсуждают настройку оборудования. Вирджиния к этому привыкла давно.

— Анна ничего не вспомнит, — продолжил Хилл. — Через несколько лет эти эпизоды превратятся в разрозненные фрагменты. Детская память нестабильна. Особенно после медикаментозной коррекции.

Он снова перевёл взгляд на снимки.

— Для неё лаборатория станет чем-то вроде смутного сна.

Вирджиния медленно сложила руки на груди.

— А Виктор?

— Виктор — другое дело, — спокойно ответил он. — У него память работает иначе. После того, что мы сделали с его нервной системой, эмоциональные фиксации закрепляются глубже нормы. Он её не забудет, но нам это и на руку.

Вирджиния почувствовала раздражение. Иногда её поражало, насколько легко Хилл воспринимает людей как материал. Даже ей — человеку, который много лет участвовал в проекте,

— временами становилось не по себе рядом с ним. Хотя, возможно, именно поэтому он и был незаменим. Некоторые научные открытия требуют полного отсутствия морального рефлекса.

— Я привезу новую группу к концу месяца, — сухо сказала она, меняя тему.

Хилл кивнул так, будто речь шла о поставке оборудования.

— Сколько?

— Пока троих. Возможно, четверых.

— Возраст?

— Новорождённые.

Он сделал короткую пометку в документах. Вирджиния подошла к окну наблюдательной комнаты. За стеклом Анна сидела рядом с Виктором на полу и что-то оживлённо ему рассказывала, размахивая руками. Мальчик смотрел на неё с такой сосредоточенностью, будто кроме неё в мире больше ничего не существовало.

— Отказники? — спросил Хилл за её спиной.

— Да.

Она произнесла это совершенно спокойно. За много лет слово перестало вызывать в ней хоть какие-то эмоции. Дети, которых матери оставляли в роддоме сразу после рождения. Иногда — из-за наркотиков. Иногда — из-за бедности. Иногда потому, что ребёнок родился больным, или просто ненужным. Большинство людей даже не представляют, как легко исчезает человек, если у него нет никого, кто станет его искать.

— Документы? — уточнил Хилл.

— Как обычно. Осложнения при родах, внутриутробная инфекция, остановка дыхания.

Он удовлетворённо кивнул. Вирджиния сама разработала эту систему. Поддельные свидетельства о смерти, кремация без тел, фиктивные медицинские архивы. Иногда ей казалось почти забавным, насколько государственная система уязвима для людей в белых халатах. Все верят врачам.

— У одной девочки редкая форма нейродегенеративного синдрома, — продолжила Вирджиния. — Возможно, она подойдёт для пятого сектора.

Хилл наконец улыбнулся по-настоящему и от этой улыбки даже воздух в комнате будто стал холоднее.

— Прекрасно.

За стеклом Анна вдруг взяла Виктора за руку. Вирджиния долго смотрела на эту сцену.

Потом тихо сказала:

— Иногда они всё-таки слишком человечны для наших целей.

Хилл подошёл к стеклу рядом с ней. Его лицо осталось абсолютно спокойным.

— Это исправимо.

Глава 5

Энни

Я ненавижу кабинеты УЗИ. Наверное, это звучит странно для человека, выросшего в семье врачей, но есть что-то особенно мерзкое в этих маленьких полутёмных кабинетах с мерцающими мониторами, где твоё тело внезапно перестаёт принадлежать тебе и становится объектом наблюдения. Особенно сейчас. Особенно здесь. Я лежу на кушетке и смотрю в потолок так упорно, будто это единственное, что удерживает меня от полноценной истерики. Холодный гель размазан по животу, и от этого ощущения меня подташнивает. Девушка-врач нервно водит датчиком по моей коже. Я замечаю, как дрожат её пальцы. Она боится, но не меня, а его. Кейт стоит в нескольких шагах от нас и наблюдает за происходящим с той пугающей неподвижностью, которая всегда напоминала мне крупных хищников в зоопарке.

Ужасающее осознания на счет Кейта просто взрывает мне мозг. Всё это время я ошибалась насчёт него. Раньше мне казалось, что он прекрасный, добродушный старик, с теплыми воспоминаниями из моего детства, великий человек науки, но оказалось, что он невероятно лицемерная мразь. Мне даже не нужно видеть его лицо, чтобы понять, как ему нравятся мои страдания.

— Хотите послушать сердцебиение? — тихо спрашивает врач.

Я едва не смеюсь. Как будто это обычная беременность, как будто мы не находимся в подземной лаборатории, где меня держат здесь силой и заставляют вынашивать монстра.

— Нет, — цежу я сквозь зубы.

Наступает короткая тишина, а потом Кейт тихо смеётся. Он подходит ближе, и я чувствую, как его пальцы впиваются мне в подбородок. Он силой поворачивает моё лицо к монитору.

— Посмотри, Анна, — говорит он почти ласково. — Посмотри внимательно. Внутри тебя создаётся нечто совершенно уникальное.

Меня мутит. Я ненавижу его голос. Ненавижу его руки. Ненавижу то, как он произносит слово «создаётся».

— Пошёл ты.

Он улыбается шире. Боже, как же я хочу разбить ему лицо в кровь.

— Включите звук, доктор.

Девушка колеблется. Я вижу это боковым зрением. Всего секунду, но потом она всё-таки нажимает кнопку. Я сразу зажмуриваюсь. Нет. Нет. Я не хочу этого слышать. Но через мгновение кабинет наполняется быстрым ритмичным стуком. У меня перехватывает дыхание. Стук продолжает заполнять кабинет. Быстрый и живой. В какой-то момент до меня доходит одна простая, страшная мысль: оно ведь живое, маленькое живое существо внутри меня.

Я медленно открываю глаза. На экране — крошечная светлая точка среди серых теней. Такая маленькая, что её почти невозможно различить, но она двигается, борется, существует. И я вдруг чувствую, как по щеке скатывается слеза. Я даже не заметила, когда начала плакать. Потому что в этот момент меня накрывает осознание, от которого хочется закричать. У этого ребёнка никогда не будет нормальной жизни. Никогда. Люди вроде Кейта, будут смотреть на него не как на человека, а как на результат работы. Так же, как они смотрели на Виктора. У меня начинает дрожать подбородок. Я отворачиваюсь, потому что больше не могу смотреть на экран. Сердцебиение всё ещё стучит в ушах, хотя врач уже нажала на кнопку, и в кабинете снова тихо.

— Ну что, доктор? — зазвучал голос Кейта за моей спиной. — Как наш маленький пациент?

Врач торопливо кивает, вытирая датчик.

— Всё в полном порядке, доктор Кейт. Плод развивается нормально. Сердцебиение хорошее, размеры соответствуют сроку.

— Слышишь, Анна? — Кейт подходит ближе, и я чувствую его мерзкое присутствие всем телом. — Внутри тебя растёт здоровая жизнь. Тебе бы радоваться, а не истерить.

Я медленно поворачиваю голову и смотрю на него. В его поганое лицо. В его старческие глаза, которые светятся довольством.

— Радоваться? — мой голос хриплый, но я стараюсь говорить спокойно. — Ты серьёзно? Он улыбается.

— Абсолютно. Меньше нервов, больше пользы для ребёнка.

Я закатываю глаза. Просто потому, что иначе я бы вцепилась ему в горло. Кейт ведёт меня обратно в мою палату. Идём по длинному серому коридору, и я считаю шаги. Восемнадцать до поворота. Ещё тридцать два до двери. Я здесь уже почти две недели и выучила эту дорогу наизусть.

— У меня для тебя сюрприз, — вдруг говорит Кейт, останавливаясь перед дверью.

Я не отвечаю. Мне плевать на его сюрпризы. Всё, что он может мне подарить, — это очередной кошмар. Он открывает дверь и слегка подталкивает меня внутрь. Я вхожу и замираю. На стуле, у моей кровати, сидит моя мать. Вирджиния Миллер. Она выглядит так же, как всегда — ухоженная, холодная, с идеальной осанкой и дорогой брошью на вороте. Только глаза красные. Неужели плакала? Не может быть.

— Проваливай, — говорю я.

Она не двигается.

— Энни...

— Я сказала — проваливай нахер отсюда.

Кейт жёстко заталкивает меня внутрь, и дверь за моей спиной закрывается с металлическим лязгом. Я слышу, как поворачивается ключ. Вирджиния встаёт и делает шаг ко мне. Она протягивает свою руку, медленно дотрагиваясь до моего плеча.

— Не смей меня касаться, — шиплю я, отшатываясь к двери.

Она медленно опускает руку.

— Мне жаль, Энни, — тихо говорит она. — Мне правда жаль, что ты не понимаешь величия того, что происходит. Ты могла бы относиться ко всему иначе. И тебе бы стало легче. Просто попробуй посмотреть на это под другим углом.

Я смотрю на неё, на эту женщину, которая родила меня, которая кормила меня с ложечки, которая водила в школу и проверяла домашние задания и не узнаю её. Или узнаю впервые по настоящему.

— Под каким ещё, блядь, углом? — мой голос срывается на крик, я чувствую, как горло начинает саднить. — Ты издеваешься?! Вы все больны! И ты, и отец, и этот сраный мудака Кейт! Вы сделали из меня инкубатор! Вы издевались надо мной всю жизнь — следили как за подопытной крысой! Жизнь Виктора вы вообще похоронили в лаборатории! А ты сейчас хочешь, чтобы я посмотрела на это под ДРУГИМ УГЛОМ?!

Я кричу. Громко, до хрипоты, до слёз, которые снова текут по щекам. Я не помню, когда в последний раз так орала. Наверное, никогда. Вирджиния поднимает руку, будто хочет меня остановить.

— Анна, пожалуйста, успокойся...

— НЕ СМЕЙ МНЕ ГОВОРИТЬ УСПОКОИТЬСЯ!

Я замечаю, что её губы дрожат. В глазах — что-то, чего я никогда там не видела. Стыд? Сочувствие? Мягкость? Какая-то странная, почти человеческая боль. А потом я вижу, как по её щеке скатывается слеза. Я смеюсь. Горько, истерично, почти безумно.

— О, нет, только не это! — выплёвываю я. — Только не делай вид, что у тебя есть сердце! Ты сука, холодная, расчётливая сука, которая продала собственную дочь нацистским выродкам, и я ни секунды не верю, что ты способна плакать по-настоящему.

Она смотрит на меня несколько секунд. Потом её рука взлетает в воздух, и пощёчина обжигает мою щёку. Я хватаюсь за лицо, отшатываясь. Смотрю на неё зло, исподлобья. Она тяжело дышит.

— Не смей, — шепчет она. — Не смей говорить мне, что я не чувствую. Ты ничего обо мне не знаешь.

Я молчу. Просто стою и смотрю на неё. Вирджиния медленно садится на стул у моей кровати. Поправляет юбку, вытирает слёзы и снова становится похожа на ту ледяную статую, которую я знаю всю жизнь.

— Присядь, Энни, — говорит она тихо. — Пожалуйста. Я хочу поведать тебе одну историю.

Я смотрю на неё. На её красные глаза и не знаю, что делать. Ноги подкашиваются, и я падаю на край кровати, у меня просто нет сил стоять.

— Ну давай, — зло шепчу я. — Рассказывай свою сказку...

Глава 6

История Вирджинии Миллер

Я не выбирала эту дорогу. Она была проложена задолго до моего первого вздоха, утоптана ногами тех, чьих имён я даже не знала, чьи лица растворились в чёрно-белых фотографиях. Мой отец Фридрих Кёниг был из тех, кто сидел в тихих кабинетах с высокими потолками и решал, кому жить, а кому умереть, во имя науки. Он почти не улыбался, но, когда улыбался — это было похоже на трещину в бетонной стене. Мать, Гертруда, работала вместе с ним — она занималась клеточными культурами. Я не знала, что мой отец начинал свою карьеру не в мирной науке. Я не знала, что его учителем был человек, чьё имя вычеркнули из учебников, но оставили в архивах. Я не знала, что лаборатория, в которой я проводила всё своё детство, была всего лишь надводной частью айсберга, а под землёй, на нижних уровнях, происходило то, о чём мне не следовало знать никогда.

Я поступила в университет, потом вернулась в семейный центр уже как полноценный сотрудник. Мне было двадцать два. Я была молодой, талантливой и перспективной. Я не знала, что многие из моих «сослуживцев» — не просто учёные, а люди, чьи отцы и деды работали на Третий рейх. Я не замечала этого или не хотела замечать.

Алекс появился у нас в центре, когда мне было двадцать три. Его пригласил отец — сказал, что это молодой, но очень перспективный невролог. Алекс Миллер был высоким, подтянутым, с тёмно-русыми волосами, зачёсанными назад, и серо-голубыми глазами, которые смотрели на меня так, будто я единственная женщина во всем мире. Я влюбилась быстро, без оглядки, с мыслью, что «это навсегда». Мы встречались полгода, потом он сделал предложение, и мы поженились. Алекс был нежен и заботлив. Идеальный муж. Идеальный зять. Идеальный врач. Мы хотели детей, очень хотели. Я забеременела дважды, и оба раза теряла ребёнка на ранних сроках. Врачи разводили руками. Анализы ничего не показывали. Моё тело было здоровым, фертильным, но что-то внутри него не принимало новую жизнь. Именно тогда Алекс впервые сказал мне.

— Есть один проект, — начал он как-то вечером, сидя у камина. — «Аркадия». Мы сможем помочь тебе забеременеть и родить здорового ребёнка.

— Что это за проект? — спросила я.

— Способ, — он словно подбирал слова, — перепрограммировать репродуктивную систему. Выйти за пределы того, что сегодня может официальная медицина.

— Это опасно?

— Всё опасно, — он посмотрел на меня своими серыми глазами. — Ты готова рискнуть?

Я была наивной. Я думала, что речь идёт о гормональной терапии или экспериментальном ЭКО. Алекс привёл меня в лабораторию, и там я увидела... их. Это был подземный комплекс в пригороде Берлина. Меня провели по коридорам, где за стеклянными стенами работали люди в масках. Всё было очень чистым, стерильным. Алекс открыл дверь в комнату, где стояло несколько кроватей. На них лежали люди. Совсем юные люди. Лет 16–17.

— Что это? — мой голос дрожал.

— Это наши пациенты, — спокойно сказал Алекс.

— Они что... мертвы? — я не решалась подойти ближе.

— Нет. Они спят. Мы проводим с ними исследования.

— Исследования чего?

Он повернулся ко мне. Его лицо было совершенно бесстрастным.

— Мы ищем способ остановить нейродегенеративные болезни. Создать поколение, невосприимчивое к боли, страху, к тем слабостям, которые делают человека уязвимым. Ты

знаешь, что твоя мать умерла от штамма вируса D-IX, который мутировал и передавался воздушно-капельным путём?

— Меня затошнило. Я прислонилась к стене, хватая ртом воздух.

— Ты врёшь.

— Нет. — Он подошёл ко мне и взял за руку. — Проекту «Аркадия» уже больше пятидесяти лет. Он начинался как медицинское исследование для нужд армии. Потом расширился. Твой отец является одним из основателей этого проекта.

— Вы ставите эксперименты на людях? Они умирают?!

— Это все не важно, мы можем спасти их. И мы можем дать тебе ребёнка.

— Я вырвала руку.

— Ты чудовище.

— Нет, — сказал он спокойно. — Я учёный. И я люблю тебя, но я не позволю твоей сентиментальности разрушить то, во что мы верим.

Я ушла. Вернулась в нашу квартиру, закрылась в ванной и просидела там до утра, обхватив колени. Алекс не пришёл за мной. Он знал — я вернусь сама. Потому что я уже была частью этого. Потому что без него моя жизнь была пуста. Он был для меня якорем света и смысла в жизни. Я была так сильно привязана к нему, что просто не могла представить жизнь без него... Мы помирились, и я сказала себе, что отказываюсь верить в его причастность к ужасным экспериментам проекта «Аркадия». Я говорила себе, что наука не имеет морали, а значит, и вины. Я согласилась на эксперименты, чтобы подарить ему ребенка. И через месяц, тест показал положительный результат. Врачи наблюдали за мной постоянно. Анализы два раза в неделю, УЗИ, кардиотокография. Плод развивался хорошо — слишком хорошо для моей истории выкидышей. Только я сама чувствовала себя всё хуже. Слабость, головокружения, странные боли в мышцах, которые не проходили. Мне говорили, что это обычный токсикоз.

На тридцать четвёртой неделе я потеряла сознание. Очнулась в реанимации. Алекс стоял надо мной, держал за руку. Я спросила, что случилось.

— Твой организм начал отторгать вирус, — сказал он. — Но плод... плод выделяет антитела. Он спасает тебя.

— Что ты говоришь?

— Ребёнок, которого ты носишь, уже является частью проекта. Она наш первый успешный образец естественной защиты.

Я погладила живот, чувствуя, как внутри шевелится маленькая жизнь. И впервые за долгое время мне стало по-настоящему страшно. Не за себя. За ребенка. Но что я могла сделать? Сбежать? Куда? Мои деньги, моя работа, мои связи — всё было создано Аркадией. Когда мне сказали, что мы переезжаем в Америку, я не сопротивлялась. Бывшие нацистские учёные работали в правительственных лабораториях, преподавали в университетах, получали награды. Их прошлое было залито бетоном фальшивых биографий и поддельных документов.

Алекс знал, куда ехать и к кому обратиться. Мы получили новое гражданство, новую жизнь, новые имена. Вирджиния Миллер — так меня теперь звали.

Когда родилась Энни, я смотрела на нее и она пугала меня. Она не плакала, не смеялась, она была моей дочерью, но была пугающе чужой. Я благодарил «Аркадию» за то, что смогла стать матерью. Но плата была слишком высока. Я продала свою душу, и душу своей дочери. И ещё многих детей, которых не знала. Алекс говорил, что это все во имя науки, что человечество будет нам благодарно, что мы стоим на пороге новой эры, где не будет страданий, страха и боли.

Я боюсь, что моя дочь никогда меня не простит. И что у меня никогда не будет шанса объяснить, что я не хотела этого. Я просто хотела ребёнка.

— Я Вирджиния Миллер, и это моя история.

Глава 7

Виктор

Сегодня Вивиан вызвала меня в центральный офис. Сказала, что они нашли что-то, что может меня заинтересовать. Я надеялся, что они выяснили, где моя Энни, потому что терпение уже давно превратилось в тупую, грызущую ярость, которая не давала мне спать по ночам. Каждый день в этом бункере был похож на предыдущий: стены, камеры, испуганные взгляды людей, которые боялись даже смотреть в мою сторону. Я ненавидел это место. Но я терпел. Ради Энни.

Я прислонился плечом к стене у входа, сложил руки на груди и просто слушал.

— Итак, — Вивиан обвела всех присутствующих взглядом, — ситуация следующая.

Она сидела во главе стола, поджав губы.

— Элиас, — она кивнула мужчине слева, — введи нас в курс.

Элиас, тощий парень с вечно взъерошенными волосами и очками в тонкой оправе, поправил их привычным жестом и развернул ноутбук к проектору. На стене за его спиной появилась фотография. Я узнал его сразу. Марк Ридли. На снимке он выглядел как типичный «ботаник»: залысины, очки, испуганный взгляд.

— Марк Ридли, 32 года, — начал Элиас сухим, протокольным голосом. — Наш основной свидетель по делу «Аркадия». Был госпитализирован после инцидента в Лос-Гатос, затем переведён в закрытое психиатрическое учреждение «Pacific Clinics» в Лос-Гатосе. Официальный диагноз — острый психоз с элементами паранойи. Неофициально...

Он сделал паузу, посмотрел на меня. В его взгляде читалось что-то вроде осторожного любопытства — как у человека, который впервые видит хищника вблизи и не уверен, насколько надёжна клетка.

— ...его просто накачивают препаратами, чтобы он не болтал лишнего.

— Мы это уже проходили, — сказал я, чувствуя, как внутри начинает закипать раздражение. — Что нового?

Элиас усмехнулся — нервно, одними уголками губ.

— Новое, мистер... Виктор, — он запнулся, не зная, как меня называть, и это было почти забавно, — то, что Ридли переводят. Вчера вечером, по нашим каналам, мы получили информацию, что его этапируют в Atascadero State Hospital.

Я вопросительно поднял бровь. Вивиан пояснила:

— Федеральная психиатрическая больница строгого режима. В основном для людей, признанных невменяемыми. Максимальная изоляция, минимум контактов с внешним миром. Идеальное место, чтобы сделать из свидетеля овощ.

В комнате зашушукались. Я перевёл взгляд на остальных за столом. Двое — агенты отдела HRSP. Я запомнил аббревиатуру из их разговоров. Эти ребята охотятся за военными преступниками и нацистскими прихвостнями. Третий — из U.S. Marshals Service, в форме, с квадратной челюстью и руками, которые явно привыкли к оружию. Четвёртый — гражданский аналитик с покрасневшими глазами, похожий на крота, которого вытащили на свет.

— Зачем мне всё это? — спросил я, хотя уже знал ответ. Они хотели, чтобы я сделал грязную работу за них.

Вивиан встала, обошла стол и подошла ко мне почти вплотную. Её лицо было в нескольких сантиметрах от моего, и я видел каждую морщинку, каждый след усталости, который оставила на ней эта работа.

— Потому что мы планируем операцию по перехвату Ридли, — сказала она. — Пока он ещё в пути. Маршалы не хотят светиться, чтобы не подставлять своих. У них есть подозрения, что в Marshals Service тоже есть свои люди в кармане у Кейта.

— И вы хотите, чтобы я... что?

— Мы хотим, чтобы ты был нашей страховкой. — Это сказал маршал с квадратной челюстью. Его голос был низким, спокойным, почти ленивым. — Охрана у Ридли будет плотная. Два бронированных автомобиля, как минимум четверо вооружённых маршалов. Но ты — единственный, кого не берут пули. По крайней мере, так говорят.

Я усмехнулся.

— Это не совсем так. Я не чувствую боли, и у меня хорошая регенерация. Но убить меня всё ещё возможно. Я не бессмертен, к сожалению.

— Именно поэтому ты идеально подходишь, — сказала Вивиан. — Ты физически способен вырубить троих вооружённых охранников. Это сэкономит нам время. А время — единственное, чего у нас нет.

Я посмотрел на неё. Она не блефовала. Она действительно верила, что это сработает. Или, по крайней мере, делала вид.

— Ладно. А как мы его вывезем? И куда?

— Есть запасная точка, — сказал аналитик, похожий на крота. Он говорил быстро, будто боялся, что его перебьют. — Зброшенный медицинский центр в сорока милях от Атаскадеро. Там мы его спрячем и переправим в безопасное место. Машина будет ждать за периметром. Всё остальное — наша работа: прикрытие, отключение сигнализации, глушение связи.

Я смотрел на карту Калифорнии, которая висела на стене, и думал. US-101. Потом 46-я дорога. Лесистая местность, мало заправок, почти нет камер. Идеальное место для засады.

— И где мой интерес? — спросил я. — Мне плевать на вашего Ридли. Мне плевать на ваши ордена, вашу борьбу с нацизмом и всю эту возню. Я здесь только потому, что вы обещали помочь найти Анну. А вы, блядь, до сих пор не нашли её. Вы гоняетесь за каким-то свидетелем, а она там, с этими тварями, и с каждым днём...

Я не договорил. Горло перехватило. Я чувствовал, как внутри поднимается та самая волна, которую я так старательно сдерживал все эти дни. Ярость. Бессилие.

— Виктор, — сказала Вивиан мягко. — Ридли — единственный, кто видел внутреннюю кухню «Аркадии». Он знает структуру лабораторий, имена врачей, протоколы. Он знает, где находятся объекты, которые даже мы не смогли найти. Включая те, где могли спрятать Анну. Если мы хотим её найти — нам нужен он. Это не обсуждается.

Я молчал. В комнате стояла тишина, такая плотная, что я слышал собственное дыхание. Где-то в углу тикали часы. Где-то гудел кондиционер. Я смотрел на Вивиан и думал о том, что она, возможно, единственный человек в этом здании, который не врёт мне. И это была единственная причина, по которой я всё ещё здесь.

— Ты уверена? — спросил я.

— Нет, — честно ответила она. — Но это наш единственный шанс.

Я провёл рукой по лицу, чувствуя, как под пальцами пульсирует напряжение, которое не отпускало меня уже несколько недель. Чёрт возьми, как же я ненавижу, когда приходится полагаться на кого-то другого.

— Ладно, — выдавил я наконец. — Что от меня требуется?

Вивиан отошла к столу, взяла что-то со стула и бросила мне. Я поймал маску. Белая, с вытянутым лицом, чёрными провалами глаз и рта.

Я несколько секунд смотрел на неё, потом медленно поднял на уровень лица.

— Ты серьёзно? — спросил я. — Что это за цирк?

— Камеры, — объяснил маршал. — В Атаскадеро камеры повсюду. Если кто-то опознает тебя — всё, твоя свобода кончится быстрее, чем ты успеешь чихнуть. А с маской... ты просто неизвестный психопат, который с цепи сорвался.

— Неизвестный психопат, — повторил я, усмехнувшись, а потом рассмеялся в голос. — Вы приносите мне маску призрака, я надеваю её и иду похищать свидетеля из федеральной психушки. Вы в курсе, как это звучит?

— Как план, который срывается, — сухо ответила Вивиан.

Я вертел маску в руках, разглядывая её под холодным светом ламп. Ткань внутри была мягкой, почти приятной на ощупь. Когда я смотрел в эти черные вытянутые глаза, я чувствовал, что эта маска может стать для меня чем-то большим...

— И что я делаю? — спросил я, поднимая взгляд.

— Врываешься, отключаешь охрану, забираешь Ридли и выходишь к нам. Машина ждёт за периметром.

Я ещё раз посмотрел на маску, потом надел её. Пластик приятно охлаждал лицо. Через чёрные прорези мир казался чужим, тёмным, искажённым. В отражении тёмного монитора я увидел себя — высокую фигуру в маске, прислонившуюся к стене. Белое лицо смотрело на меня пустыми глазницами, и я улыбнулся. Скоро, Энни. Скоро я приду за тобой.

— Выглядишь как гребанный маньяк из дешёвого хоррора, — заметил маршал.

— В точку, — ответил я, снимая маску. — Когда выезжаем?

— Через два часа, — сказала Вивиан. — Будь готов.

Я кивнул.

Глава 8

Виктор

Мы стоим на обочине US-101, где-то между Атаскадеро и Лос-Гатосом, и ждём. Ночь вокруг — чёрная, бархатная, бесконечная, будто кто-то накрыл весь этот грёбанный штат плотной тканью и забыл снять. Фонари — жёлтые, больные, вырывают из темноты куски мокрого асфальта, оставляя за их пределами абсолютную, густую тьму, в которой можно утонуть. Я стою в этой темноте и чувствую, как внутри поднимается то самое сладкое, тягучее предвкушение, которое я так долго не испытывал. Оно разливается по венам, как тёплый яд, заставляя сердце биться чаще, а пальцы — сжиматься в кулаки в предвкушении. Элиас стоит рядом, в чёрном бронезилете, который делает его похожим на черепаху. Он тычет пальцем в планшет — экран светится мертвенно-голубым, выхватывая из тьмы его квадратную челюсть, такую же твёрдую и неподвижную, как всё его существо.

— Конвой из двух машин, — говорит он, и его голос звучит где-то далеко, будто он говорит не со мной, а сквозь вату. — Бронированный Ford Transit, переоборудованный под перевозку заключённых. Задняя — внедорожник сопровождения, два вооружённых маршала в каждом. По протоколу Ридли будет в полных ограничениях. Наручники, ножные кандалы, поясная цепь. Они не рискуют даже с теми, кто не представляет угрозы.

Я усмехаюсь под маской. Пластик приятно давит на скулы, скрывая мою улыбку. Маска дарит мне свободу — свободу быть тем, кого они боятся. Она позволяет мне выпустить наружу ту тварь, которая живёт внутри меня, и не видеть отражения собственного безумия в чужих глазах. Дышать через маску трудно — воздух горячий, влажный, с металлическим привкусом. Но мне это нравится. Это напоминает мне о том, кто я есть на самом деле. Вивиан смотрит на меня через зеркало заднего вида. Её глаза — два серых льда в потрескавшейся оправе усталости. Она хочет сказать что-то, но не говорит. Боится, что слова сломают ту хрупкую иллюзию контроля, которую она так старательно выстраивала последние дни. И правильно боится. Я не тот, кого можно контролировать.

— Они связываются с диспетчером каждые пятнадцать минут, — продолжает Элиас, и я слышу в его голосе лёгкую дрожь. Он боится меня. — У нас будет окно между сеансами связи. Когда конвой войдёт в слепую зону между холмами — ровно семь минут, пока сигнал не восстановится. За это время мы должны успеть всё. Ты блокируешь головную машину. Дымовая пашка, потом пробивка окон. Вытаскиваешь охрану, отключаешь их. Без трупов. Связываешь, затыкаешь и уходишь. На всё — три минуты.

— Без трупов, — эхом отозвался я, чувствуя, как улыбка растягивает губы под маской.

— Без трупов, — подтверждает Вивиан, не оборачиваясь. Она знает, что я не слушаюсь. И я знаю, что она знает. Но мы оба играем в эту игру — она делает вид, что контролирует ситуацию, а я делаю вид, что подчиняюсь.

Дорога здесь идёт через холмы — серпантин, где 101-я трасса на время скрывается за скальными выступами. Идеальное место для засады. Фургон Элиаса стоит в кювете с погашенными фарами, замаскированный чахлым кустарником. Я выхожу из фургона и вдыхаю ночной воздух. Он тёплый, сладкий, пахнет сухой травой и нагретым за день асфальтом — и где-то глубоко под этим запахом я чую металл. Скоро здесь будет пахнуть кровью. Звёзды на небе кажутся слишком яркими, почти ненастоящими — будто кто-то рассыпал их нарочно, чтобы подсветить эту сцену. Я смотрю вверх и улыбаюсь. Сегодня будет хорошая ночь. Потом я вижу свет. Две пары фар — сначала далёкие точки на горизонте, потом они приближаются, растут, заполняют собой темноту. Из ночи выныривает бронированный фургон — серый, матовый, без опознавательных знаков, с крошечными, забранными решётками окошками в задней части. За

ним, на расстоянии ровно в одну машину, следует чёрный внедорожник сопровождения. Они едут медленно — не больше семидесяти километров в час. Соблюдают правила. Идиоты.

Я смотрю на приближающийся конвой и чувствую, как внутри поднимается тёплая, пульсирующая волна. Мои пальцы начинают подрагивать — не от страха, от нетерпения. Я слышу, как кровь шумит в ушах. Элиас подаёт сигнал, и я выхожу на дорогу. Шаг. Ещё шаг. Я иду медленно, не торопясь, давая им время увидеть меня. Водитель фургона замечает меня метров за пятьдесят. Тормозит — машина кренится вперёд, тяжёлая, неповоротливая, шины визжат по асфальту с пронзительным, почти человеческим воплем. Задний внедорожник тоже тормозит, водитель успевает вывернуть руль, пытаюсь занять позицию для стрельбы. Но я не даю им времени. Дымовая шашка катится под днище фургона. Белый едкий дым вырывается из-под колёс, застилает дорогу, скрывает меня от их взглядов. Я слышу, как открываются двери — металлический лязг, топот ботинок по асфальту, щелчки предохранителей.

— Стоять!

Пули свистят мимо меня. Я чувствую, как воздух колеблется от их полёта, как они прорезают ночь с тонким, звенящим звуком. Первый маршал выходит из дыма прямо передо мной. Вскидывает пистолет, целится в грудь. Я вижу его глаза — широко открытые, полные страха и адреналина. Он знает, что сейчас умрёт. Он уже чувствует это. Я хватаю его за запястье и выворачиваю. Кость хрустит — сухо, влажно, как стебель сельдерея, который ломают пополам. Он кричит, и этот крик — музыка. Рукоятка пистолета скользит в моей ладони, я выбиваю оружие, и оно улетает в темноту. Второй рукой бью в челюсть — резко, со всей силы, которую вложили в меня долгие годы тренировок. Кость под моим кулаком проминается, вдавливаясь внутрь, и он валится на спину, застывая в неестественной позе.

Второй стреляет с колена, целясь в корпус. Пуля входит мне в плечо — тупой толчок, горячая вспышка, но боли нет. Я не чувствую боли. Я чувствую только вкус металла во рту. Я делаю шаг вперёд, хватаю его за ствол, дёргаю на себя. Глушитель раскалён, обжигает кожу, но я не чувствую и этого. Он вскрикивает от неожиданности, когда я вырываю пистолет из его рук, и закатывается в кювет с моей ноги. Я наступаю ему на грудь, чувствуя, как под моим ботинком ломаются рёбра. Он хрипит, изо рта идёт кровь. Я смотрю на него секунду, наслаждаясь этим звуком, потом отворачиваюсь. Третий — водитель фургона — пытается закрыться дверью. Его глаза — безумные, широкие — смотрят на меня через щель. Но я успеваю раньше. Моя рука хватается его за воротник, швыряет на асфальт. Голова ударяется о бордюр с глухим, влажным звуком — и он затихает. Я наклоняюсь и смотрю на него. Кровь растекается по асфальту тёмной, блестящей лужей. Я облизываю губы под маской. Сладко. Я стою посреди дороги, тяжело дыша. Дым рассеивается. Внедорожник сопровождения — я почти забыл о нём. Оттуда выскакивают двое — высокий, крепкий парень и женщина с короткой стрижкой, у неё красивый, злой взгляд. Мне это нравится. Я хочу увидеть, как этот огонь погаснет в её глазах.

— Стой! — кричит она. — Руки за голову!

Я медленно поворачиваюсь к ней. Белая маска в свете фар выглядит жутковато, почти потусторонне. Я вижу, как она колеблется — на секунду, всего на секунду. Но этого достаточно. Мне не нужна её решимость. Мне нужен её страх.

— Не советую, — говорю я. Мой голос звучит глухо, искажённо, как из-под воды.

Они стреляют одновременно. Я ухожу в сторону — пуля первой пролетает мимо, вторая касается правой руки, скользит по касательной, оставляя горячий, влажный след. Я даже не останавливаюсь. Рывок — и я уже рядом. Моя рука смыкается на стволе её пистолета, выбивает оружие. Я хватаю её за бронежилет и швыряю на капот внедорожника. Она ударяется спиной о металл, и я слышу, как что-то ломается внутри неё — хруст, который эхом отдаётся в моей груди. Её напарник пытается ударить меня прикладом. Я перехватываю его руку и ломаю локоть. Ещё один хруст — влажный, сочный. Он кричит, падает на колени, держась за сломанную руку, которая теперь болтается в неестественном направлении. Я бью его ногой в лицо —

раз, второй, третий. Кровь хлыщет мне на ботинок. Четвёртый удар — и он затихает. Его тело обмякает, и я вижу, как течёт тёмная, густая кровь, смешиваясь с осколками зубов.

Возвращаюсь к короткостриженной даме. Её глаза — полные ужаса. Она что-то шепчет, беззвучно открывая рот, но я не слышу её. Я слышу только шум крови в своих ушах. Я кладу руки на её шею. Чувствую, как под моими пальцами бьётся её пульс — быстро, панически, как у загнанного зверька. Я начинаю давить. Её глаза расширяются — сначала в ужасе, потом в агонии. Капилляры лопаются, и я вижу, как белки заливаются красным. Она кричит — громко, пронзительно, но звук прерывается, становится булькающим, хриплым. Я сжимаю сильнее. Чувствую, как хрящи её горла проминаются под моими пальцами, как трахея сдавливается, как она пытается вздохнуть, но не может. Её тело начинает биться в конвульсиях. Я смотрю ей в глаза, пока они стекленеют, пока жизнь уходит из них. И наконец — характерный, влажный хруст. Шея ломается, голова запрокидывается, и она затихает. Я отпускаю её, и её тело сползает по капоту на асфальт. Я смотрю на него и чувствую только удовлетворение. Тёплое, тягучее, правильное.

Я открываю заднюю дверь фургона. Внутри темно и тесно. Сиденье привинчено к полу, стены обшиты чем-то мягким, чтобы заключённый не разбил себе голову. В углу, пристёгнутый к креслу ремнями и цепями, сидит Марк Ридли. На руках — наручники с длинной цепью между ними, пристёгнутые к поясу. На ногах — кандалы. На запястьях и лодыжках — красные, воспалённые следы от металла, которые въелись в кожу. Он выглядит как загнанное животное. Его глаза, когда он видит меня — в маске, залитого чужой кровью, — расширяются до предела. Он хочет закричать, но из горла вырывается только сиплый, булькающий звук. Он дрожит, как осиновый лист на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.